

**М.А. Корсун,  
Самарский университет**

**«СЛЕПЫЕ ЗОНЫ» И «ПЛОХИЕ РАЙОНЫ»:  
ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА МЕНТАЛЬНОЙ КАРТОГРАФИИ**

В статье рассматривается опыт применения метода ментальной картографии в качестве инструмента для сбора эмпирических данных и способа повышения исследовательской рефлексии для студентов, изучающих городское пространство.

Ключевые слова: социология города, инвайронментальная социология, образ города, ментальные карты.

**M.A. Korsun,  
Samara University**

**«BLIND SPOTS» AND «BAD AREAS»: THE EXPERIENCE  
OF USING THE METHOD OF MENTAL CARTOGRAPHY**

The article discusses the experience of using the method of mental cartography as a tool for collecting empirical data and a way to increase research reflection for students in urban studies.

Keywords: urban studies, environmental studies, image of the city, mental maps.

С начала 2000-х годов в российской социологии города набирает популярность метод ментального картографирования пространства, позволяющий выявить образы и смыслы, которые формируются у горожан относительно города и отдельных его элементов [1-3]. В академический дискурс понятие «ментальные карты» было введено в 1948 г. Э. Толменом, однако наибольшую популярность (и методологический потенциал) данный термин приобрел после выхода работы К. Линча «Образ города», где город состоит из тысяч ментальных образов, авторами которых являются все пользователи городского пространства [4]. Подход Линча существенно отличался от концепции ментальных карт, предложенной Толменом, так как последний исследовал практики ориентирования, которые реализуют грызуны при попадании в незнакомые пространства [5].

На сегодняшний день у метода ментального картографирования не сложилось четких границ применения, а исследовательские процедуры далеки от декларирования общего регламента. Тем не менее, на наш взгляд, это не явля-

ется недостатком данного метода, а позволяет создавать максимально гибкий исследовательский инструмент, который можно дополнить иными техниками.

В статье мы рассмотрим опыт применения метода ментального картографирования городского пространства на примере г. Самара, дополненный выделением вернакулярных районов и рефлексией мультисенсорного воздействия городского пространства. В качестве информантов выступили студенты Самарского университета, изучающие дисциплину «Инвйронментальная социология» (участие в исследовании имело целью не только сбор информации, но и повышение рефлексивности студентов при изучении средовых элементов).

В ходе первого этапа информанты производили точечные замеры воздействия окружающей среды на их органы чувств, нанося координаты замеров на электронную карту города. Наиболее значимыми каналами получения информации об окружающем пространстве для информантов стали визуальный и аудиальный, в гораздо меньшей степени был отрефлексирован ольфакторный опыт. Замеры проводились в период быстрого потепления, поэтому информанты часто отмечали температурную составляющую. Наиболее заметна тенденция связи погодных условий и эмоциональной оценки места: если в наблюдении представлена ясная и солнечная погода, то место оценивается информантом как приятное, вызывающее радость; в случае фиксации в наблюдении информации о пасмурной погоде, ветре и осадках, место и собственное состояние оценивается негативно, тревожно.

Вторым этапом исследования выступило ментальное картографирование, которое осуществлялось с использованием подложки из административной-территориальной карты города. Следует отметить, что для данных целей могут быть использованы и цифровые карты города (сервисы GoogleMaps и Яндекс.Карты), что делает возможным проведение сессий по ментальному картографированию в режиме дистанционной работы. В нашей исследовательской деятельности применялись и цифровые, и аналоговые инструменты без потери эффективности.

В ходе структурирования городского пространства информанты совмещали личную субъективную оценку района (например, выделяли район «Тут что-то на богатом», территориально расположенный на 1-5 просеках, где представлена частная застройка дорогостоящими коттеджами) и существующие в их сознании вернакулярные районы (например, «Металлург» и «Безымянка»). В процессе выделения районов прослеживается несколько тенденций:

1. Чем ближе рассматриваемое пространство к месту, часто используемому информантом, тем более дробно выделяются его элементы. Так, напри-

мер, информанты, проживающие в студенческом общежитии, отмечают, что пространства, расположенные по разные стороны от оживленной автомагистрали, имеют для них очень разную символическую наполненность и даже меняют телесные практики. Также верно и обратное: чем менее исследовано пространство – тем более расплывчатые границы оно имеет и тем большую площадь занимает. Например, район Безымянки для информантов, проживающих в центре города, может быть локализован в границах улиц Победы, 22 Партсъезда, Стара-Загора и пр. Кирова, что существенно превышает конвенционально принятую площадь данного района.

2. Чем больше негативных коннотаций о районе присутствует в дискурсивном поле информантов, тем быстрее данная локация будет нанесена на карту. Уже упомянутые ранее «Металлург» и «Безымянка», а также «Кирыч» и «Стошка», имеющие у жителей города дурную славу, присутствовали на большинстве ментальных карт, однако их локализация могла существенно различаться, что говорит о некоторой мифологизации и устойчивости негативной идентичности. Тем не менее, существование подобных характеристик в дискурсе жителей города делает данные элементы пространства более устойчивыми. В случае выделения «хороших» районов информанты испытывали больше трудностей с идентификацией и нанесением границ, так как подобные пространства не имели четко выраженной идентичности.

3. Наличие «слепых пятен» на картах. В ходе разделения пространства на отдельные элементы информанты часто отмечали, что «вот здесь вообще не знаю что». Это свидетельствует о недостаточно высоком уровне освоения городского пространства. При этом информанты, проживающие в отдаленных районах, часто лучше знают город даже за пределами их обыденных маршрутов. Также стоит заметить, что «неидентифицированные» пространства, расположенные вблизи «плохих районов», имеют тенденцию к включению в границы этих районов.

На третьем этапе исследования информанты совместили созданные ментальные карты с точками замеров влияния окружающей среды. Ожидаемым результатом стало совпадение высокой положительной оценки района исторического центра при нанесении его границ на карту с преобладающе позитивными переживаниями информантов, проводивших замеры на его территории. При этом информанты отмечали высокую неоднородность застройки в историческом центре, где ветхие малоэтажные здания соседствуют с высотными жилыми комплексами, но в данном районе ветхая застройка не оценивалась ими как опасное или тревожное место, в отличие от ветхих строений Безымянки.

В ходе эвристической беседы информанты показали базовый невысокий уровень рефлексии относительно визуального ряда, аудиальных и ольфакторных факторов окружающего городского пространства. Также прослеживается практика начала рефлексии с раздражителей: сначала вспоминаются или фиксируются резкие и неприятные звуки, запахи. Тем не менее, при последующем стимулировании рефлексии информанты обнаруживают, что они в действительности фиксируют различные ситуации влияния среды на их органы чувств, но в повседневной практике игнорируют такую информацию. Например, одним из интересных результатов такой стимуляции рефлексии стало разделение ольфакторного профиля двух кампусов Самарского университета: «Южная площадка» обладает «городским» ольфакторным профилем, состоящим из запаха бензина, пыли, нагретого асфальта, а «Северная площадка» – «деревенским» (со слов информанта), так как близость частного сектора определяет наличие запахов жженой листвы, скошенной травы, а удаленность от оживленной магистрали дает отсутствие сопряженных запахов.

В целом можно сказать, что использование метода ментальной картографии вполне оправданно и в качестве метода сбора эмпирической информации о восприятии городского пространства, и в качестве повышения исследовательской рефлексивности студентов, изучающих дисциплины, связанные с анализом средовых городских процессов.

#### **Список литературы:**

1. Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31. С. 5-29.
2. Глазков К.П. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3. С. 39-56.
3. Митин И.И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. Философско-культурологический журнал. 2011. № 1. С. 62-73.
4. Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников / под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат. 1982.
5. Толмен Э. Когнитивные карты у крыс и у человека // Хрестоматия по истории психологии / под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1980. С. 63-69.